

Олеся НИКОЛАЕВА

Родилась в 1955 году в Москве. Окончила Литературный институт (семинар Е. М. Винокурова). Ведет семинар поэзии в Литинституте, профессор кафедры литературного мастерства.

Выступала со стихами и лекциями в Нью-Йорке, Женеве и Париже, преподавала древнегреческий язык монахам-иконописцам Псково-Печерского монастыря, работала шофером игуменьи Серафимы (Черной) в Новодевичьем монастыре (1995), в 1998 году была приглашена в Богословский университет святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова читать курс «Православие и творчество» и заведовать кафедрой журналистики.

Автор более пятидесяти книг стихов, прозы и эссеистики. Произведения переведены на английский, итальянский, китайский, немецкий, французский, японский и другие языки. Лауреат многих литературных премий, в том числе национальной премии «Поэт» (2006), премии им. Бориса Пастернака, Патриаршей литературной премии (2012). Живёт в Переделкине.

ЗАПАД И ВОСТОК

Собеседники

Тот пьет из копытца – забудем его,
а этот, покуда не спится,
как книгу, листает себя самого,
зевая на каждой странице.

К чему – только время такой украдет –
входить в разговор с этим, чтобы
с томлением слушать, куда заведет
нас в сказке бычок белолобый?

Нет, лучше я с вами, монахи-отцы,
витии, пииты, герои,
по бурным пучинам сознания пловцы.
Куда мы? В словесную Трюю!

А нет – я тогда на ступеньке кривой
усядусь, и мой потаковник
откликнется сразу – колючий, живой,
подагливый ветру шиповник.

Старый Новый год

Мы старый Новый год не празднуем – Василий
Великий нас зовет почтить полночный ход

от неба до земли гонящих сон вигилий,
когда весь мир притих и литургию ждет.

Уже готово все – вино и хлеб, а ладан
дымится и покров нам ароматом шьет.
И херувимы здесь, и свыше мелос задан.
Из Кесарии нам Святитель слово шлет.

...Мы старый Новый год не празднуем и стертых
не признаем следов, но сладко в этот час
и петь, и уповать на воскрешенье мертвых.
Неважно, что за год, – Святитель слышит нас!

* * *

Слышишь, что Самуил говорит Саулу?
«Послушание выше жертвы, ценнее тука.
Вот и небо уже паруса надуло,
чтоб летела по ветру твоя фелука.

А непокорность – суетна и безлика,
волшебству сродни, чародейству и волхованью.
Будто б сам себе ты отец, и сын, и владыка,
руки свои к губам тянешь для целованья.

Будешь платить судьбой этому своеволью
и бессмертьем души – пагубе и разгулу.
Ляжешь бесплодной землей, несоленой солью...» –
Именно так Самуил говорит Саулу.

Но перечит ему вкрадчивый ангел падший:
– Поиграй со мною, Саул, сколько душе угодно,
Погуляй, покружись по ветру, как лист подвядший,
полетай и падай, падай – медленно и свободно.

Запад и Восток

Чай, не в тартарары летим, но провалам всем – поперек.
Наше солнце, как пилигрим, возвращается на Восток.
Ночью канет на Запад – впрок принесет оттуда к утру
романтизма алый цветок, расцветающий на ветру.
Образ рыцарства, трепет крыл, от которых внутри сквозит,
ну и то, чему научил младших братьев иезуит:

«Ты подумал – не говори, а сказал – не пиши, остынь,
простодушен, как рыбаки или странник среди пустынь.
Ну, а если уж написал – не подписывай, будь незрим,
чтоб не смел никакой вассал зацепить тебя, аноним.
А когда подписал – чего ж удивляться, ответ держа,
отвечая на острый нож, ухватившись за сталь ножа.
За кровавое остриё не предъявишь счет небесам,
потому как за все свое пусть заплатит ответчик сам».

...И, прозрев грядущую брань, предки с Запада на Восток
утащили в Тмутаракань и в Московию этот слог.

Сам ответит пусть словоблуд, лицемер, лжесвидетель, тать:
там – поддельная подпись, тут – вовсе буквы не разобрать.
А под утро солнце опять нам приносит с Запада весть:
ни главы преклонить, ни встать – всюду там и лихва, и лесть.

Бродит с бубном гремющий смех, ложь, как ржа, разъела Престол,
и богиня Смерти при всех положила ноги на стол.

И остался лишь дом пустой: нет известий от новостей.
Мелет черный во тьме густой, весь в крови, язык без костей.
Все подписано, сшито там, где проваливается земля.
И под ветром бьют по устам неоплатные векселя.

Империя

С миром державным я был лишь ребячески связан...

Осип Мандельштам

С миром державным я связана кровно, стожильно.
Крылья раскрыл надо мною орел мой двуглавый.
Бабка – с Кубани, а немка-прабабка – из Вильно.
Прадед-полковник жену себе взял под Варшавой.

Певчее ходит пространство – налево, направо.
В русский вплетает мотивчики – польский, немецкий.
Неколебимы в когтях этих скипетр и держава –
сила и слава властей – и духовной, и светской.

Ах, не по-детски раскинулась ширь, взлетая,
ухнет оттуда, цепляя уральские цапки,
чтобы вздремнуть где-нибудь на плече у Алтая
и до Японского моря шагнуть по-солдатски...

Вот почему здесь пространство главенствует. Время
в соснах запуталось или распалось на споры...
Всё наше – с нами, и мы здесь навеки – со всеми:
с мёртвыми мы продолжаем молитвы и споры.

Все принесем к алтарю мы, не веря чужбине, –
свечи, и слезы, и кровь, и, скрепив поцелуем,
шлём покаяние Матушке Екатерине:
«Все мы профукали, смерды, но все отвоюем!»

К небу простер Патриарх указующий палец.
Божий Помазанник отдал кресту целованье.
И уверяет двуглавый, что каждый скиталец
время предаст, обретая и путь, и призванье.

Крест и корона. Всё царственное и земное
держится небом, а небо глядит, как из грязи
рвется душа, очищаясь от скверны и гноя,
с Царством Небесным и с миром державным на связи.

На вхождение в Одессу Екатерины Великой

Птичка ль напела, чирикая,
или Луна полноликая:
шествует неотвратимо
Екатерина Великая
прямо в Одессу из Крыма.

Руки длинны ее. Взмахами
воздуха толщи распаханы.
вброшены зерна возмездья.
Полнятся вещими птахами
эти чумные предместья.

Шествует наша державная
Матушка к тем, кто ей верен,
Самая самодержавная
Из цариц и царевен.
Взор на отступников гневен.

Вот уж она над Одессою
силой духовного зренья
видит, как черною мессою
тешится дух разоренья.
Дух самозванства и тленья:
черное оперенье.

И царица – Одессе,
полной дури и спеси,
так вещает:
«Захвачена
в плен ты, дитище милое,
трачена и одурачена
иноплеменной силою:
стала чужой, постылою.

Иль я, как памятник, каменна,
иль я – пустая гробница?
Нет, – величава и пламенна –
днесь я – духовная храмина,
Русская Императрица.

В русской монархии – отблески
Царства Небесного.
Вести –
Замысла Божьего отпрыски.
Аз есмь подобье, предвестье.
Ждут тебя – грозные оттиски –
Вышнего гнева возмездье,
боя небесного фрески.

Верные чада немногие,
пылки по-одесски,
станут в сиянии, в блеске
главами теологии
под черноморские всплески.

Переяславская рада

Вы, полковники, сотники, есаулы, пане-панове,
все Запорожское войско, утвержденное в Слове;
вы, для кого родная земля, что кровавая рана,
слушайте все Богдана!

Тут Богдан переводит дыханье, жаром горя:
– Братие, невозможно нам далее без Царя!
Для того-то торжественного избрания учиняем Раду,
ибо четверо претендентов у нас уже было кряду.

Первый – султан Турецкий, царь басурманский, эллинов притеснитель,
второй – хан Крымский, кощунник, христианской веры хулитель,
третий – круль Польский, еретические тары-бары,
(даже колпак турецкий лучше латинской тиары).
И наконец – четвертый: лицом не ударим в грязь –
Русский Царь Алексей Михалыч, великий Князь.
Веру хранит отеческую благоговейно, строго,
нет над ним никого, окромя Единого Бога,
у Которого даже мертвые живы и никакая жертва – не зря!

И закричали все:
– Этого выбираем Царя!

Гаркнули так полковники, сотники, есаулы,
все Запорожское войско – аж заныли скулы.
Поперхнулся латинский ксендз, крымский хан заухал совой,
и качнулся в небе мусульманский месяц кривой.
А казаки все громче, резче, состязаясь в звуке, борзясь:
– Правь, Алексей Михалыч, нами, Русский царь и Великий Князь!
Все мы опутаны здесь лукавыми бреднями, туманными снами,
аки сироты, аки бесхозные овцы, так встань над нами!
Упаси нас жезлом железным, призывом отеческим вдохнови:
присягаем тебе на Кресте, на Священной Книге и на Христовой крови!
Чаянья наши не презри, склоненные головы не отринь.

И тут как будто бы гром небесный:
– Воля ваша, аминь.

Аминь.